

ВАГИФ СУЛТАНЛЫ

РОДИНА

Пес остановился возле двора, где когда-то родился. Дом, с которым были связаны самые счастливые воспоминания, теперь превратился в далекую, недостижимую землю обетованную.

Три дня голода выбили его из последних сил, в поисках чего-нибудь съестного он пытался найти приют на других подворьях, но отовсюду его изгоняли. Поиски еды на издающей зловоние мусорке тоже ничего не дали.

Он медленно обвел глазами улицу. Вдруг взгляд его наткнулся на большую кость, валяющуюся у каменного забора. Он с опаской оглянулся по сторонам, будто еще кто-то мог претендовать на эту добычу. Но улица оставалась по-прежнему пустой. Он осторожно взял кость и, не решившись утолить голод здесь же, на месте, поплелся в безлюдный тупик в конце улицы. Кость оказалась настолько добросовестно очищена ножом, что обгладывать было нечего. Истекая слюной, он попытался разгрызть ее гнилыми зубами. Безрезультатно. Он бросил кость и лениво повернул обратно.

Вершина горы, у подножия которой была расположена его родная деревня, была окрашена золотыми лучами закатного солнца. Бездомным, бесприютным, чужим он почувствовал себя в этой обезлюдевшей и сиротливой деревне.

Облака, пронизанные закатным красным цветом, казалось, готовы были излиться горячей кровью.

Когда-то давно в безвозвратно ушедшей жизни у него в этом дворе была своя конура, и каждый день хозяин сытно кормил его. Но этим счастливым дням не суждено было длиться вечно. Однажды приехал сын хозяина, живущий в далеком большом городе, и забрал отца с собой. Старик уезжать не хотел, но сын настаивал, все говорил о начинающейся войне, об ожидающемся наступлении на деревню, и в конце концов уговорил отца. Перед отъездом хозяин запер ворота дома. Псу совсем не хотелось, чтобы старик уезжал, но кто спрашивал его мнения... Он проводил старика до околицы деревни. Там, на гравийной дорожке, тянувшейся посреди равнины, заросшей полынью, старик обнял пса, потом, не оглядываясь, сел в ожидавшую его машину.

По тому, как старик сердито говорил с сыном и поглядывал в его сторону, он понял, что речь идет о нем. Казалось, старик хотел взять собаку с собой, в город, а сын не соглашался. Старик хотел было выйти из машины, но тут сын со словами: "Давай поедем, бога ради, не смеши нас перед людьми" дернул отца за рукав и с силой захлопнул дверцу машины. Пес стоял на дороге до тех пор, пока машина, постепенно превращаясь в маленькую точку, не растворилась в широкой степи. Потом он вернулся в опустевший двор. Это были самые одинокие и полные безысходной тоски дни его жизни.

Хозяин его был одним из уважаемых в округе людей. После его отъезда люди стали постепенно покидать деревню. Все, у кого были родственники или какие-нибудь знакомые в городе, запирали ворота своих подворьев и уезжали. Потом, по ночам, деревня стала подвергаться армянским артобстрелам. Иногда эти артобстрелы продолжались до самого утра. В ту ночь армяне подошли к самой окраине деревни, и собака видела, к каким ухищрениям они прибегали, чтобы напугать тех, кто еще остался в селе. Ему хотелось обо всем этом рассказать односельчанам, успокоить их, поддержать, но что он мог сделать, он, хоть и понимал человеческую речь, но говорить не мог.

В начале осени армяне вошли в деревню.

Последним деревню покинул пес.

... Теряя сознание из-за раненой ноги, день и ночь он шел, добираясь в город. Он знал, что хозяин его живет теперь здесь, и каждый день он выходил из своего убежища и бродил по улицам с надеждой встретить его: может, старик сжалится и возьмет его обратно жить к себе. Пес знал, что городские квартиры не нуждаются в такой охране, как деревенские подворья, но все же не терял надежды.

Ему хотелось найти себе какого-нибудь хозяина, и тогда он охранял бы для него дом и двор, хотело служить кому-нибудь, но брать его к себе никто не хотел. А жизнь так и проходила.

Так и прошла вся жизнь покинутого пса в поисках своего хозяина, которого он так и не нашел. Пес не знал, что мысль о родной земле, о покинутом доме, в котором теперь хозяйничают чужие люди, в конце концов убила старика, и его могила давно уже заросла травой. Уж сколько лет говорили о том, что деревню должны отвозвратить обратно. Но дальше разговоров дело не продвигалось, никто толком не знал, как, каким образом собираются ее отвозвратить.

Пес скучал по своей деревне. Ему не хотелось умирать на улицах большого города, как люди. Он истосковался по родной деревне, где родился, был счастливым щенком, где вырос и стал хорошим сильным псом.

Но почему-то люди не жаждали возвращения в родные края так сильно, как он. И наконец, в один прекрасный день, пес решил вернуться в деревню.

Сумерки постепенно опускались на село. Дующий с гор ветер гнал на село горьковатый запах грабовых лесов. Это был знакомый и родной до боли запах, когда-то давно такими же прохладными вечерами, лежа перед своей конурой, он наслаждался этим запахом.

Ворота родного подворья были открыты. Никого не было видно. Бесшумно переставляя лапы, он вошел во двор и лег в высокой траве между садовыми деревьями. Здесь он мог оставаться незамеченным. Много летних прохладных вечеров он провел среди этих трав со своей подругой. Под утро он провожал ее до ворот и ложился отдыхать перед конурой.

Послышавшиеся шаги оторвали его от воспоминаний. Подняв голову, он отпрянул назад и увидел бородастого мужчину с ружьем в руках, осторожно продвигающегося к нему. С неожиданной ловкостью изголодавшегося и бесильного пса, он вскочил на лапы и бросился вдоль изгороди.

Другого выхода как перепрыгнуть через изгородь, чтобы убежать от ругающегося и бежавшего за ним человека, у него не было, но для этого нужно было пробежать до конца изгороди... там она была пониже и ее легко можно было перепрыгнуть.

Выстрел прозвучал в тот момент, когда он перепрыгивал изгородь. По его телу пробежала дрожь. Скуля, он добежал до опушки грабового леса и обессиленный лег на землю.

Солнце окрашивало мир своими закатыми лучами.

Темно-красные лучи заходящего солнца медленно гасли в закрывающихся глазах пса. Он хотел поднять голову, чтобы в последний раз увидеть родной двор и белый дымок, курящийся над домом, но не смог.

ВЕНЕЦ ЖИЗНИ

Эссе

Азизе Дясфарзаде,
Народному писателю Азербайджана

К словам, высказываемым о ней, всегда относились ревностно. Может, по этой причине ее произведения оставались за пределами внимания серьезных исследователей, молчаливо встречались ее успехи, не признавались ее творческий талант.

Но!.. Широта ее души не позволяла ей опускаться до мелочных обид, а если обиды и закрадывались в душу, она никому не жаловалась, предпочитая в одиночестве переживать и преодолевать все эти обиды.

Но сегодня, с высоты восьмидесятилетия, все это кажется обыденным и никчемным. Нет, она совсем не жалеет о том, что жизнь ее прошла именно так. Она счастлива, что в наше время, когда каждый день человек сталкивается с испытаниями, она смогла защитить свое человеческое достоинство, не сломалась, не покорила, не предала свои убеждения и принципы.

Ее художественная память базируется на истории. Она - живой носитель истории. Нет второго такого писателя, который бы знал этнографию, духовный мир и духовную память нашего народа, как она. Она не просто возрождает нашу историю, она одухотворяет ее, вливает в нее свежую кровь и приобщает ее к вечности. Ее книги раскрывают не только богатые, скрытые, никем еще не прочтенные страницы истории, но и поднимают актуальные проблемы современности; именно этим обуславливается современность ее произведений.

За всю долгую жизнь она никогда не покидала творчество ради каких-либо сиюминутных интересов и дел. Именно с этим связано изумляющее художественное наследие, оставленное ею. Не каждый писатель может похвастаться этим.

Степень информативности ее произведений широка и всеобъемлюща. Это говорит о высоком интеллекте писателя. Сфера ее читательских интересов разнообразна. Она пишет о том, что хорошо знает, в исторических произведениях наряду с художественным вымыслом она старается выявить и научную истину.

Жанры, в которых она работает, разнообразны. Из-под ее пера выходили и миниатюры, и рассказы, и повести, и романы; она занималась фольклорными исследованиями, художественной критикой, публицистикой, художественным переводом.

Ее исторические романы, повести и рассказы не только являются достоянием азербайджанской литературы XX века, но и летописью этнографической памяти народа. Другими словами, произведения писателя являются ценностью с точки зрения духовной, но и материальной.

Ее произведения дышат теплотой и искренностью. Согревая каждое слово теплом своей души, она завораживает и находит путь к сердцам своих читателей.

Из всех богатств мира самым ценным для нее является Слово. Двери ее дома, переполненные книгами и рукописями, всегда открыты.

Никогда она не забывает о том, что она женщина; и тогда, когда она взваливает на свои хрупкие плечи неженские проблемы, и тогда, когда рутятся ее сформировавшиеся традиционные представления о женщине...

Она горячо любит свой народ. Гордится тем, что она турчанка, черпает силы и достоинство в богатой истории тюркского мира. Семена любви к народу, посеянные ею в душах поколений, взойдя, дали обильный урожай, и эта любовь теперь дает ей новые силы для жизни.

Она писатель не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Будущие поколения будут вновь и вновь возвращаться к ее книгам, учиться у нее, продлевая тем самым ее жизнь.

Живет и трудится в Баку незаурядная личность, известный кардиохирург Али Мамедович Багиров. Он прошел тернистый и поучительный путь. Уроженец прикаспийского села, расположенного на морской косе (теперь и косы, и села нет), Али Багиров получил первые уроки жизни от своего отца, человека удивительной нравственной чистоты, бескорыстия и порядочности. Упорство, воля, острый живой ум, любовь к людям, талант - вот качества, которые обусловили профессиональное самоутверждение Али Багирова как ученого медика, хирурга высочайшего класса, снискавшего международное признание. Ему присуща и врожденная литературная "жизлка" - Али Багиров пишет рассказы, где запечатлены яркие, подчас драматические вехи его жизни, учебы, врачебной деятельности. Предлагаем вниманию читателей эссе Али Багирова, за которым видится и ощущается обаятельная и притягательная личность автора, посвятившего себя одной из самых благородных профессий - служению жизни и здоровью людей. В "Уроках отца" он обрел меткую мысль: "Люди, сумевшие себя сохранить - лауреаты неравной борьбы. И наградою им - сама жизнь".

Добавим: достойная жизнь.

Сиявуш МАМЕДЗАДЕ

АЛИ БАГИРОВ

УРОКИ ОТЦА

Кто бы ни взглянул на портрет отца, висящий у нас в комнате, спрашивает: он академик? Профессор? Ученый? Мне всегда приятно это слышать и в то же время немного грустно. Все это могло быть, но не состоялось - утерянные, не использованные возможности не отразились на облике, который воспринимает наблюдатель. Отец не получил образования. Грамоте выучился сам. Многих удивляет, что портрет написан местным, малоизвестным, нетитулованным художником. Работа - словно кисти Рембрандта. Из сумрачной глубины, слегка сохруив глаза, смотрит в мир седой человек, поподавший жизнь и понявший, как много в ней несурзности. И не скажешь, что ему под девяносто, и он неизлечимо болен.

Художник вложил в портрет душу - передал все нюансы личности. Его отцу много лет назад я сделал аортокоронарное шунтирование, а позже - бифуркационное аорто-бедренное шунтирование протезом. Он первый больной, которому в Азербайджане сделана операция по поводу ишемической болезни сердца. И первый, перенесший большую сложную операцию на аорто-бедренном сегменте, после ревааскуляризации миокарда. А сыну художника я полностью исправил тяжелый синий врожденный порок сердца - тетраду Фалло. Вот он и нарисовал портрет моего отца, выразив таким образом свою благодарность. Его творение, в отличие от плодов моих усилий, долго будет напоминать потомкам, каким был их предок.

Портрет отца, написанный в красках, мне хочется дополнить словесным портретом - рассказом о некоторых уроках, которые усвоил я от него.

Живое существо (и человек - не исключение) подсознательно выбирает в жизни себе того, кому верит, чьим мнением дорожит и, естественно, кому хочет нравиться. Это не обязательно тот, кто дал жизнь. В животном мире таким вожаком может быть самый сильный из окружения. У людей, в общем плане, поводырь - это Бог, а в личном - выбор зависит, видимо, от любви...

У меня было много учителей, благодаря которым удалось приобрести знания, стать специалистом. Им всем говорю спасибо. Но уроки отца - иного порядка. О них речь.

В детстве днем я никогда не спал. Но однажды почему-то заснул. Проснувшись, стал плакать: зачем не разбудили, проспал школу. Весенний вечер показался мне утром - таким тихим, теплым он был... Никто не мог меня разувить. Только отец, придя с работы, убедил - по расположению солнца, что сейчас не утро, а вечер. А потом научил по часам определять время. Это был первый, ранний урок.

Отец часто приносил домой книги, сестра читала их нам. Сам он не прочитал ни одной книги, зато знал множество народных сказов, притч, пословиц. Приводил их всегда к месту, всем становилось понятным, о чем идет речь. И услышанное накрепко запоминалось. Позже понял - он, обращаясь к другим, рассказывал мне: видел, как я внимательно слушаю его, и пытался без лишних назиданий влиять на мое формирование. С восхищением отзывался об одном докторе, которого он, можно сказать, боготворил. Увлекательно пересказывал легенды о древних целителях. Отец считал, что лекарь - божий человек, ниспосланный помогать людям на земле. Мы все особо почтительно относились к врачеванию. Моей сестре - отличнице в учебе, искусной рукодельнице, человеку с твердым характером и чуткой душой, не удалось осуществить свою мечту - стать врачом. Она училась в седьмом классе, когда умерла мать. Сестра осталась дома за старшую. Конеч образованию. Медиком стал я.

Через много лет отец, увидевший, в какие медицинские "джунгли" я угодил и как трудно тут выжить, не растеряв себя, испытывал угрызения совести - за мой выбор, он корил себя. Я рассказывал ему о тернистых дорогах истории медицины, чтобы успокоить его тем, что таков обычный путь прогресса. Слушать ему, как когда-то мне, тоже нравилось. Мои рассказы поддерживали в нем оптимизм...

Вещи, которым я периодически увлекался в детстве, со временем переставали мне нравиться. Если то были записки или рисунки, я их рвал, уничтожал. Мне казалось неправильным любить то, что не каждому понравится. Меня это мучило, пока я не поделился сомнениями с отцом. Он успокоил - "это хорошо, ты растешь".

На школьных театральных постановках с упоением декламировал я патристические стихи, восхваляющие советские и осуждающие дореволюционные законы - "по этим законам слезы текли, по этим законам глубокие складки на лбу залегли"... Отец поощрял меня, видимо, полагая, что и без него - "пора придет, пускай покамест он живет и верит мира совершенству".

Как-то я сказал отцу, что, когда Сталин умрет, его положат в мавзолею рядом с Лениным.

Отец, покачив головой, ответил:

- Нет.

Когда все же так случилось, и я напомнил ему ответ, он уверенно произнес:

- Уберут.

Отец, как и многие его современники, искренно верил в непогрешимость вождя и в то же время осознавал неизменность представлений, свойственных людям. Он не знал о фрейлизме, но каждого оценивал с этих позиций. Со мною он этим не делился. И тем не менее ко мне, подсознательно, наверное, кое-что перешло. Ребята в общежитии, где в это время я жил, услышав о кончине Сталина, плакали. Не в силах заставить себя последовать их примеру, я боялся, что не такой, как все.

Советской власти отец был рад. Она помогла ликвидировать многие болезни. Не стало видно плешивых, слепых, хромих, горбачих, нищих. Исчезли батраки, за кусок хлеба гнувшие спины на хозяев. Отец, хотя немало пострадал от новой власти, ее в своих бедах не винил. Осуждал лишь себя, за отсутствие образования.

Его отец, совершивший хадж - паломничество в Мекку, умер вскоре после возвращения. Сказалась нагрузка, связанная с поездкой. Сегодня комфортабельные лайнеры доставляют паломников туда и обратно за считанные часы. А в те времена дальнюю дорогу не каждый мог одолеть. Шли пешком, соблюдая установленный ритуал. И цена паломничеству, конечно, была несравнима с нынешней...

Осиротевший в семь лет, он бросил учиться, пошел работать посыльным. Учитель-немец, у которого он проучился полгода, уговаривал его вернуться в школу, жить у него, быть товарищем сыну. Отец остался без родителей, но не был, как говорится, человеком без рода, без племени. Гордость не позволяла ему пристроиться к чужому очагу.

В свою очередь, когда я посоветовал сыну, окончившему аспирантуру в Лондоне, остаться там, от отписал мне: "Мы морально благополучные, и на нам это не пристало!". Мне было неловко за мой совет, но радостно за то, что уроки отца действуют и в следующем поколении. Он вернулся на родину, пополнив ряды безработных...

Счастье отцу улыбнулось в молодости. Но он им не воспользовался. Его направляли учиться по консервному делу, куда-то в Грузию. Отговорила двоюродная сестра, у которой он жил. Люди, умеленные житейским опытом, поговаривали, что ею двигала корыстная цель - она не хотела лишиться зарплаты, которую он приносил ей.

Позже, казалось бы, фортуна вновь повернулась к нему лицом. Отец работал резчиком рыбы. Его решили назначить директором рыбзавода. То был 30-й год. Молодыми национальными кадрами заменяли старый руководящий состав. Вызвали его в Баку, в ЦК партии. И тут он наотрез отказался.

Прежний директор, немец, который и создал по сути завод, умолял отца принять предложение. Обещал, работая заместителем, во всем помогать: боялся, прищлют кого-то, кто разрушит труд всей его жизни. Отец считал неприемлемым принять должность, не имея на то надлежащего образования. Да и совесть не позволяла стать начальником своего бывшего директора (это теперь, дай возможность самоучке-слесарю стать директором завода нефтяного машиностроения - не моргнув глазом, уцепится за нее). Это тоже уроки отца.

Может, провидение, оградив его от соблазна власти, помогло пережить трудные времена. Отказавшись от должности, перебрался в другой район. Кстати, все время наша семья кочевала между двумя близлежащими населенными пунктами. И мне потом пришлось курсировать, но не в пределах одного района, а между далекими странами. Не будь этого, я ничего не смог бы сделать для здешних людей. Все мы кружимся в одном вихре времени...

На похоронах отца я не мог сдержат слез. Не потому, что он ушел безвременно. Нет, он прожил почти девяносто лет. Правда, сознание оставалось ясным, и он мог бы еще жить, но болезнь истощила силы. Помочь ему мы не могли. Он бы не согласился на операцию. А мысль о том, что иначе нельзя, могла ускорить кончину. И оттого потеря была особенно горька - какой разум уходит в землю...

Сколько времени потребовалось эволюции, через что прошла жизнь на земле, чтобы достичь изумительного строения мозга человека, какие в нем заложены колоссальные возможности! И как мы относимся к нему - стеклом забиваем гвозди.

У отца были все данные незаурядной личности, реализуй их, добился бы многого, но все ушло в небытие. Таких, как он, было немало. И когда они покидали мир, отец горько сожалел: "Какие люди уходят!".

Самое ценное достояние народа - он сам, его люди, а не черное, белое или иное золото.

Когда те, кто привык мерить ценности на караты, бесцеремонно расспрашивали отца, где его приобретенный за долгую жизнь достаток, он отвечал: "Мое золото на виду". Он имел в виду детей. Другого достояния у него не было.

Среди ночи нагрянули к нам с обыском. Мы жили в одной комнате, как многие тогда. Под кроватью обнаружили деревянный самодельный чемодан - один знакомый военный, в отсутствие отца, оставил его у нас. В нем что-то тарыхтело. Отец объяснил - он не знает, что там такое, оно не наше. Находка заинтриговала ночных посетителей. Выломали замок чемодана. Там лежал засохший, как камень, кусок черного хлеба. Со злостью отшвырнули его в угол. Мы - пятеро маленьких детей, словно сговорившись, бросились за хлебом.

Старший из непрошенных гостей посчитал, что мы голодны и потому ринулись за сухарем.

- Здесь нам делать нечего, - произнес он и вышел из комнаты, уводя за собой остальных.

Нами двигал не голод. К хлебу мы всегда относились с благоговением. Если приходилось видеть его валяющимся на дороге, поднимали, трижды целовали и переносили на обочину - "для птичек", лишь бы он не оставался под ногами. Мы так были воспитаны, и в ту ночь поступили согласно усвоенным урокам, может, более рьяно, чем следовало бы, но это, наверное, спросонья и от необычности ситуации.

Утром, когда мы еще спали, явились двое Израилевых: отец - старик и сын - студент университета. Старший заведовал одной из торговых точек, принадлежавших учреждению, где работал отец, - оно находилось в сорока километрах от нас.

По инструкции, товар поступал на базу - в склад, оттуда потом распределялся по магазинам. Но поскольку с транспортом было очень трудно, скоропортящиеся продукты раздавали торговым точкам по ходу следования, не заходя на базу, а контора задним числом оформляла прием-сдачу. Можно представить, как делал это местный бухгалтер, самоучка. Не исключено, что на этом деле кто-то мог и "погреть руки".

Такую практику установил председатель, не умевший ни читать, ни писать. Сперва он "подписывался", оставляя отпечаток пальца. Потом кто-то научил его ставить закорючку - подпись. Может, такой "руководитель" и был нужен кому-то? Или лучше не было? Председатель самолично или вместо него кто-то другой, которому он доверял, брал деньги в кассе, закупал в соседних районах сельхозпродукты и разгружал их по торговым точкам. На склад довозили то, что оставалось. Иногда все раздавали по дороге, а мой отец расписывался, что получил и сдал товар. Теперь оказалось, что по одной накладной старик - завточкой - не получил товара, но подписался в получении, как и мой отец, заведующий складом.

Зная порядочность отца, он с сыном явился просить отдать им фактуру. Отец отдал ему эту бумагу - грош цена ей по нынешним меркам, а тогда она много значила. Хотя эта бумажка не спасла старика Израилева. Но то был урок всем нам.

На суде спросили одного из свидетелей:

- Скажите, за пальто, что на вас, Вы деньги платили?

- Нет, - последовал быстрый ответ.

По разнарядке руководства, нужное количество спецодежды - длинные куртки, резиновые сапоги, vareжки и прочее - бесплатно выдавалось рабочим-рыбакам. Это юристы по "закону", в их понимании, посчитали уголовно наказуемым деянием. Зная теперь, какие некомпетентные люди есть в медийской среде, могу представить, сколько же их среди блюстителей правопорядка! Надо иметь большое счастье, чтобы выжить в подобных условиях. Имя наших трагедий - невежество, по обе стороны барьера. Люди, сумевшие себя сохранить - лауреаты нравной борьбы, и наградою им - сама жизнь.

Почти год все сослуживцы отца находились в заключении. Он знал, что ареста ему тоже не избежать. И когда его взяли, следовательно прислал за мной, чтобы я принес партийный билет отца. Отец заранее предвидел это и своевременно отдал его мне. Был он ему больше не нужен. Это тоже урок. Я понял: чтобы не пришлось отдавать, не

нужно иметь. Иной гарантии нет. Много позже, и какие только кристально честные люди не уговаривали меня вступить в их ряды, а позже и в разные новые партии, но переступить их порог я не мог.

Находясь в заключении, отец бросил курить, чтобы я не тратился на табак для него. Еще один урок - отказаться от привычки, когда особенно трудно. Характер помог ему сохраниться там и прожить после освобождения еще тридцать лет. Это был своего рода университет жизни. Здесь он встретил много замечательных людей, пострадавших за свою инициативу: законы были таковы, к сожалению, многие еще остаются таковыми, что сделать что-то необходимое людям невозможно было не переступив черту... Все тоже невежество. И конца этому не видно. Но как бы то ни было, встреча с теми людьми отца многому научила. Он по-настоящему познал цену свободы, просвещения.

В годы "оттепели" мне казалось: выступи Хрущев на каком-нибудь митинге с предложением, что партия выполнила свою роль - построила социализм, следовательно перестала быть нужной, - она сама распустится, и таким образом партийное государство превратится в общенародное. Отец на это сказал, что Хрущеву не дадут даже сойти с трибуны. Так оно потом и случилось. Робкие попытки ослабить власть партии окончились для него трагично. Новое руководство страны пошло "по пути укрепления партии". Чем все это кончилось, также известно.

Под конец жизни, когда болезнь причиняла отцу мучительные боли, он стоически переносил их как очищение от грехов. Только не мог понять, за какие-такие грехи посланы ему страдания.

Я догадывался, но ему об этом не говорил. У него был кот, который долго жил у него и, казалось, понимал речь. Разумный кот. Незадолго до болезни за что-то отец поругал кота и в сердцах велел убраться прочь. И на самом деле тот исчез, словно сквозь землю провалился. Сколько не искали, не нашли: ни живого, ни мертвого. Отец сильно переживал, что обидел животное. Это чувство не давало ему покоя, пока сам он не заболел и в страданиях позабыл о потере. Это последний урок при жизни.

Отец разумом понимал всю суетность существования, но инстинкт жизни поддерживал в нем оптимизм, и он верил, что жизнь дана человеку не зря. Есть высшее начало, извлекшее нас из небытия. Для чего? Это еще предстоит понять...

Какое все же, если можно так выразиться, счастье - он не увидел танки Черного Января, не услышал лязг их гусениц возле дома. То был сороковой день после его кончины.

Идут годы. Глядя на портрет отца, не перестаю удивляться тому, как сбываются все его предсказания. Способность оценить настоящее и заглянуть в будущее и есть мудрость.

Еще тогда, когда в воздухе не пахло "реформой", отец говорил: "Секретари партии давно капиталисты. Они только и ждут команды". Команда последовала. Что произошло - известно всем. Это тоже урок.

Отец любил Баку как средоточие культуры, образования, прогресса и сильно огорчился, увидя, незадолго до смерти, поток беженцев, хлынувших в столицу. Он знал, к чему такое может привести.

- Это навсегда, - сказал он. Время подтверждает его слова...

Образ отца и его нравственные уроки служат мне компасом, чтобы не сбиться в пути, не потерять ориентиры и в эти трудные времена.

Литературный Азербайджан - - 2003. -

№8 - С. 59-60.